

Нотович Осип Константинович

**Еще немножко философии. К
вопросу о свободе воли. Софизмы
и парадоксы**

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 82-3
ББК 84-4
О-74

О-74 **Осип Константинович Н.**
Еще немножко философии. К вопросу о свободе воли. Софизмы и парадоксы / Нотович
Осип Константинович – М.: Книга по Требованию, 2024. – 221 с.

ISBN 978-5-521-25751-5

ISBN 978-5-521-25751-5

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2024
© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2024

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг — не самое лучшее решение для восстановления текста в его первоизданном виде, однако, наша цель — вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания — решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

Оживленная полемика и обильная брань, вызванная моимъ небольшимъ философскимъ этюдомъ *), послужили лучшимъ подтвержденіемъ основательности того разсчета, съ которымъ я приступилъ къ упомянутому труду.

Я рассуждалъ такимъ образомъ:

Россія въ настоящее время безсознательно, такъ сказать, въ предчувствіи, переживаетъ будущія, быть можетъ, весьма отдаленныя, а быть можетъ—и весьма близкія послѣдствія великаго историческаго событія, только что совершившаго крутой переворотъ во всей ея жизни.

Я говорю о роковомъ преступленіи 1-го марта 1881 года.

Можетъ быть, никогда, даже въ самыя тяжкія годы существованія нашего отечества, русское само-

*) «Немного философіи», Спб. 1886 г. Два изданія.

сознаніе не становилось такъ лицомъ къ лицу съ историческимъ событіемъ, заключающимъ въ себѣ зародыши новыхъ судебъ государства, какъ въ роковой день 1-го марта 1881 года.

Будущему историку конца XIX-го и начала XX-го вѣковъ обязательно придется взять этотъ моментъ за прямую исходную точку для оцѣнки нравственного и умственного переворота, предшествовавшего тѣмъ событіямъ и судьбамъ, которыя послужатъ предметомъ его исторической хроники.

Онъ долженъ будетъ начать, именно, съ того момента, когда колокольный звонъ съ высоты огромнаго саркофага, въ который такъ неожиданно превратился еще недавно кипѣвшій жизнью Царскій дворецъ, возвѣстилъ народу печальную вѣсть и колѣнопреклоненная толпа осынила себя крестнымъ знаменіемъ... Въ томъ чувствѣ бессознательной тревоги и нѣмого ожиданія, которое двигало руками этой толпы, сказался одинъ изъ тѣхъ великихъ импульсовъ, которые порождаютъ новыя историческія эпохи, новыя умственные движенія.

Это молчаливое, до боли мучительное чувство нѣмого ожиданія и послужило источникомъ того, съ виду *страннаго*, настроенія, которое сказывается и теперь во всей нашей умственной и политической жизни. Напрасно истинные, неподдѣльные друзья народа видятъ въ этомъ настроеніи одно только уродливое проявленіе недомыслия, уклоненіе отъ естественнаго пути развитія и т. д. То, что мы теперь называемъ народною политикою, національнымъ направленіемъ, въ основѣ своей заклю-

чаетъ ничто иное, какъ *возрожденное стремленіе къ самопознанію*. Критическая оцѣнка совершившейся катастрофы должна была естественнымъ путемъ породить потребность провѣрки всего пройденнаго до нея пути, чтобы отдать себѣ отчетъ въ томъ, какія превратности могутъ еще встрѣтиться на продолженіи этого пути впереди.

Тѣмъ-ли путемъ мы шли до сихъ поръ и должны-ли мы продолжать его и впредь? Вотъ вопросъ, которымъ въ той или другой формѣ долженъ былъ задаться каждый, даже самый неразвитый умъ...

Но оцѣнкой пути не могла ограничиться работа мысли.

Въ немъ-ли, въ этомъ, внѣ насъ лежащемъ пути, заключаются прямыя причины всѣхъ нашихъ превратностей и злосключеній?

Не мы-ли сами избрали этотъ путь?

Не въ насъ-ли самихъ скрывается источникъ тѣхъ блужданій, которыя привели насъ къ роковой катастрофѣ 1-го марта?

Если-же источникъ этотъ заключается въ насъ самихъ, то какъ несовершенна та природа, которая самая лучшія побужденія человѣка превращаетъ въ источникъ зла и несчастья!

И еще одинъ, вѣнчающій весь ходъ взбудораженной мысли, вопросъ:

Въ чемъ-же, наконецъ, непосредственная задача человѣческаго существованія и *идѣ ея правда, идѣ ея ложь?*

Вотъ какъ, подъ сильнымъ толчкомъ могущественнаго импульса, критическая оцѣнка съ внѣшнихъ фактовъ переносится на индивидуальное сознаніе и по-

требность провѣрки охватываетъ не только внѣшній міръ, но и внутренній...

Такъ порождаются и высшія идеальныя стремленія, и грубый всеотрицающій пессимизмъ. Всѣ эти проявленія мы замѣчаемъ теперь во всѣхъ развѣтленіяхъ нашей государственной и общественной жизни. Исторія же представляетъ намъ сотни примѣровъ такихъ рѣзкихъ переходовъ отъ полного индифферентизма или умственного прозябанія къ жаждѣ самопознанія.

Знаменитая средневѣковая книга Боэція подъ характеристическимъ заглавіемъ: «*Объ утѣшеніяхъ, доставляемыхъ философіею въ несчастіи*», была написана, именно, въ самые тревожные дни существованія западной Римской имперіи. Много написаю о тѣхъ политическихъ и умственныхъ теченіяхъ, которыя предшествовали эпохамъ религіозныхъ войнъ, разгула сектантства, реформаци и т. д., и т. д. Въ фундаментъ всѣхъ этихъ эпохъ, если можно такъ выразиться, лежало чистое, идеальное, во всѣхъ отношеніяхъ безкорыстное стремленіе къ самопознанію и достиженію лучшихъ идеаловъ жизни. Но физическая природа человѣка чужда философской выдержанности, послѣдовательности и медлительности въ своихъ проявленіяхъ. Привычка осуществлять свои желанія со всевозможной скоростью одинаково проявляется человѣкомъ какъ на мелкихъ фактахъ обыденной жизни, такъ и на идеяхъ и цѣляхъ, осуществленіе которыхъ виднѣется лишь въ перспективѣ отдаленныхъ вѣковъ. Кратковременность его земного существованія ограничиваетъ его терпѣніе и онъ спѣ-

пить при жизни своей осуществлять то, что не может служить миссіей даже его очень отдаленнаго потомства.

Вотъ откуда и происходили тѣ колоссальныя ошибки, благодаря которымъ моря и рѣки наполнялись человѣческою кровью, успѣхи культуры погибали подъ ураганомъ грабежа и разбоя и цивилизація представляла собою райскій садъ, насажденный на адской трясинѣ...

Что, въ самомъ дѣлѣ, можетъ быть естественнѣе идеальнаго стремленія распространить въ человѣчествѣ гуманныя начала христіанскихъ вѣроученій? Что можетъ быть справедливѣе желанія видѣть св. Гробъ въ центрѣ господства связаннаго съ нимъ ученія, среди десятковъ милліоновъ его благочестивыхъ поклонниковъ? Во что-же превратились эти идеальныя стремленія и желанія въ подземельяхъ средневѣковой инквизиціи или на знаменахъ авантюристовъ, совершавшихъ періодическіе набѣги на святую землю? Въ орудія зла, отчаянія и смерти. Людямъ хотѣлось осуществлять то, что не въ ихъ непосредственныхъ силахъ, и идеально-доброе, хорошее стремленіе превращалось въ грубое физическое желаніе, ради осуществленія котораго казались законными и всякія нечеловѣческія пытки, и всякое варварское разрушеніе.

Не то ли самое, — хотя и при совершенно иномъ складѣ человѣческихъ отношеній, обусловливаемомъ успѣхами культуры, — совершается и съ преобладающимъ среди насъ въ настоящее время настроеніемъ?

Такъ называемая, народная политика есть не болѣе, какъ результатъ слишкомъ поспѣшнаго или со-

вершенно несвоевременнаго примѣненія той склонности къ самопознанію, которая представляетъ собою только первый слабый симптомъ начинающагося въ народѣ умственнаго и нравственнаго возрожденія. Въ воздухѣ чувствуется какое-то непосредственное сознаніе потребности чего-то высшаго, поднимающаго человѣка надъ уровнемъ дѣйствительности, а люди съ дурными побужденіями или съ плохо настроеннымъ умомъ уже спѣшаютъ суммировать первые признаки этого настроенія и придать имъ, какъ и всему окружающему ихъ во всѣхъ сферахъ умственной и матеріальной жизни, чисто *служебный* характеръ.

Отсюда — всѣ эти сбивчивыя разсужденія о національномъ направленіи, о народной политикѣ, всѣ эти наскоро составленные газетные проекты реформъ съ отѣнкомъ, будто-бы, національнаго направленія. Народу, видите-ли, надоѣло жить чужимъ умомъ, ему хочется проявить свое собственное самосознаніе. И вотъ, находятъ смѣлые люди, которые спѣшаютъ ему продиктовать то, что *должно*, будто-бы, заключаться въ его самосознаніи и чего тамъ нѣтъ... Какіе, подумаешь, все это геніальные люди, въ умахъ которыхъ скрывается, именно, то, чего нѣтъ въ сознаніи цѣлаго народа! Нужна была, видите-ли, большая политическая катастрофа, чтобы русская дѣйствительность сильно встряхнулась и изъ нея выскочила цѣлая плеяда геніальныхъ людей, способныхъ диктовать народу и законы существованія, и правду жизни...

Невольно вспоминаются мнѣ здѣсь слова очень ум-

наго нѣмца, котораго,—какъ и все германское племя,—трудно, кажется, заподозрить въ недостаткѣ любви къ родинѣ и національнаго самолюбія. Это извѣстный І. Шерръ, авторъ «Исторіи цивилизаціи Германіи». Вотъ, что онъ писалъ въ своемъ предисловіи къ этому сочиненію:

«Гдѣ мало свѣта, тамъ много и тѣни. Только жалкіе льстецы неразсуждающей толпы могутъ ей толковать, что нѣмецкая пародность равняется совокупности всѣхъ добродѣтелей. Кто, умѣя смотрѣть глазами и слушать ушами, жилъ среди классовъ, которые преимущественно называются *народомъ*, тотъ отвѣтитъ насмѣшливою улыбкою на рассказы старыхъ идиалликовъ и новыхъ сельскихъ новеллистовъ о правдивости и добродушіи, о честности, вѣрности и добросовѣстности *народа*. Прекрасные и прекраснѣйшіе цвѣты нѣмецкаго духа, благородные и благороднѣйшіе плоды нѣмецкой нравственности растутъ и созрѣваютъ только въ кругу нѣмецкаго образованія. Чѣмъ нѣмецкая народная грубость и пошлость стоитъ выше англійской, французской, итальянской или русской, это могутъ объяснить только неразуміе и самообольщеніе. Когда въ былое время кардиналъ Гранвелла называлъ народъ просто *злбною скотиною*, то это, безъ всякаго сомнѣнія, было съ его стороны поповскою гнусностью. Но если въ наше время, въ нѣмецкихъ земляхъ, мягко-сердечные фантазеры превозносятъ и восхваляютъ народъ, называя его *вѣчно добродушнымъ*, то мыслящій и опытный человѣкъ, конечно, оцѣнитъ эту болтовню по достоинству»...

Поверните эти слова по адресу наших «мягкосердечных фантазеров» и комментаріи окажутся излишними...

Спора нѣтъ: все совершающееся въ насъ и вокругъ насъ свидѣлствуетъ, какъ я говорилъ, о возрожденіи въ народѣ чувства самопознанія; но это чувство слишкомъ глубоко, слишкомъ интенсивно, чтобы укладывалось въ тѣсныхъ рамкахъ какой-либо практической доктрины, слишкомъ широко, чтобы могло быть прикрито какимъ-либо партійнымъ знаменемъ.

Нѣтъ! Не надъ отреченіемъ отъ всего своего прошлаго во имя невѣдомаго будущаго работаетъ въ настоящее время наше народное сознаніе, и менѣе всего оно склонно въ настоящемъ своемъ неопредѣленномъ фазисѣ стать объектомъ *практическаго законодательства*.

Это сознаніе прежде всего чисто философскаго свойства, естественно возникающее послѣ продолжительной и утомительной практической работы мысли. Это совсѣмъ новый фазисъ въ развитіи русской мысли, еще никогда не переживавшійся русскимъ обществомъ и обязательный въ жизни *каждою* народа.

Одинъ изъ симпатичнѣйшихъ русскихъ публицистовъ, въ своихъ соціально-политическихъ этюдахъ, обозрѣвая все теченіе русской мысли, на сколько оно проявляется въ отечественныхъ твореніяхъ, пришелъ къ заключенію, что русскій умъ не способенъ къ отвлеченному мышленію и что, поѣтому, у насъ очень много историческихъ писателей, такъ сказать, рассказчиковъ, и вовсе нѣтъ философовъ. Но почтенный публицистъ, очевидно, совершенно упустилъ изъ виду

кратковременность существованія не только русской мысли, но и самой русской цивилизаціи. Вѣдь имъ, въ общепринятомъ смыслѣ, не болѣе двухъ вѣковъ: откуда-же было у насъ родиться самостоятельной философской мысли?

Европейская философія имѣетъ болѣе чѣмъ 2000-лѣтнюю исторію. Ученія современныхъ Кантовъ и Шопенгауэровъ мы почти цѣликомъ находимъ у древнѣйшихъ греческихъ философовъ Ксенофана, Гераклита, Зенона и т. п. Ученія этихъ философовъ, въ свою очередь, коренятся въ египетской наукѣ, и т. д. А что мы находимъ у насъ совсѣмъ недалеко, за предѣлами хотя-бы лѣтописи Нестора? Ничего, конечно, похожаго на Ксенофановъ и Гераклитовъ, если они только, по винѣ Нестора, не затерялись среди древлянъ, кривичей и другихъ нашихъ первобытныхъ племенъ. Очень можетъ быть, что если-бы норманы пришли къ намъ владѣть и княжить не изъ Скандинавіи, а изъ средней Европы, то мы-бы уже съ нѣкоторой гордостью говорили нынѣ о нашихъ собственныхъ національных философскихъ періодахъ.

Къ несчастью, наше умственное развитіе въ самомъ истокѣ своемъ было заперто съ одной стороны первобытнымъ невѣжествомъ скандинавскихъ авантюристовъ, съ другой стороны—фанатическою нетерпимостью греческой церкви, а затѣмъ и окончательно затерто было трехвѣковымъ татарскимъ игомъ. Понятно, что разъ наше умственное теченіе было такъ круто отрѣзано отъ своихъ первоначальныхъ истоковъ, то

оно должно было или окончательно изсякнуть, или получить оживленіе изъ другого источника. А источникъ этотъ находился на противоположномъ концѣ, въ той самой Европѣ, откуда норманы принесли къ намъ огонь и желѣзо, забывъ тамъ всѣ плоды человѣческой мысли.

Благодаря реформамъ Петра Великаго, мы, съ жадностью изстрадавшагося отъ жажды народа, принялись черпать изъ открывшагося предъ нами источника и въ теченіе двухъ вѣковъ настолько сроднились съ сдѣланными заимствованіями, что неспособны уже въ нихъ различить свое отъ чужого...

Да и можетъ-ли кто-нибудь считать своимъ или чужимъ то, что составляетъ достояніе десятковъ вѣковъ, и какъ отличить національность происхожденія мысли, если она одновременно, почти однороднымъ манеромъ, питается въ головахъ француза Конта, англичанина Спенсера, нѣмцевъ Канта и Шопенгауэра и т. д.; если всѣ народы, въ концѣ концовъ, сводятъ свое происхожденіе къ одному началу, а философская мысль уходитъ отъ насъ въ глубь вѣковъ, туда, гдѣ она оторвалась отъ своихъ первоначальныхъ источниковъ, отъ какой-либо, предшествовавшей ей, другой, болѣе великой, чѣмъ наша, цивилизаціи?..

